На правах рукописи

РУДИКОВА Наталья Александровна

ОБРАЗЫ ПАРИЖА В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ КОНЦА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX ВВ.: ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск 2011

Работа выполнена на кафедре романо-германской филологии ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Ольга Бодовна Кафанова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Ирина Александровна Айзикова

кандидат филологических наук, доцент
Светлана Владимировна Бурмистрова

Ведущая организация: Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом)

Защита состоится 8 декабря 2011 года в_____часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (634050, Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34 а.

Автореферат разослан 7 ноября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, профессор Л. Захаров — Л.А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Особое место в русской и всей европейской культуре занимает Париж, который всегда привлекал к себе внимание как исторический, социальный и, прежде всего, культурный центр Франции. В отечественном литературоведении последних лет появился ряд работ, посвященных парижскому тексту в произведениях русских и французских авторов конца XIX – середины XX вв.[1] Однако развитие русско-французских отношений происходило наиболее интенсивно в XVIII – первой половине XIX вв. Следствием этого стало изобилие посвященного Парижу текстового материала различных жанров как в русской, так и во французской литературе. Вероятно, именно из-за такой сложности и многоаспектности образ Парижа в русской культуре этой эпохи, в его целостности и динамике, до сих пор не становился объектом отдельного исследования. Предлагаемое диссертационное сочинение частично восполняет наметившуюся лакуну.

Изучение образа города в последние десятилетия привлекает представителей различных направлений гуманитарного знания: филологов, философов, социологов, искусствоведов, культурологов, историков. Междисциплинарный подход к исследованию городского текста позволяет представить его как многомерную структуру, которую можно рассматривать под разными углами зрения. В XX в. в работах К. Леви-Стросса, Р. Барта, Ч. Дженкса, К. Линча и др. феномен города рассматривается как пространство коммуникации, состоящее из отдельных структурных элементов, являющихся знаковой средой человека.

В нашей стране начало изучения семиотики города положил фундаментальный труд Н.П. Анциферова «Книга о городе»[2]. Ученый, описывая духовно-материальную сферу города посредством архетипа пространства, обозначил ключевые образы, рассматриваемые им на материале текстов русской классики. Вместе с тем он вычленил в культурном пространстве города такие важные концепты, как физиология, анатомия города и его психосфера.

---

[1] Рубан А.А. Образ Парижа во французской литературе конца XIX – начала XX вв. : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2004. 15 с.; Гололобов М.А. Парижский текст в романах Э. Золя: «Чрево Парижа», «Западня», «Страница любви» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 15 с.; Рыбакова Н.В. «Парижский текст» в художественном сознании А. Ахматовой : дис. ... канд. филол. наук. Сургут, 2006. 161 с.

[2] Анциферов Н.П. Книга о городе : в 3 т. Л., 1926–1927.

Впервые понятие «городской текст» было введено в научных работах представителей тартуско-московской семиотической школы (Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, В.Н. Топоров, Б.А. Успенский), раскрывших наиболее значимые для семиотики города концепты: текст, символ, миф. В работах В.Н. Топорова и Ю.М. Лотмана впервые был исследован «петербургский текст» как знаковая система, с помощью которой происходит «переосуществление материальной реальности в духовные ценности»[3].

Данная семантическая система представляет художественную реализацию пространства города, задает его вертикали и горизонтали, его культурные парадигмы, кодирует социальную иерархию, организует все, что позволяет рассуждать о Петербурге как гетерогенном организме со своим языком, кодами, символами. Вместе с тем В.Н. Топоров применительно к петербургскому тексту русской литературы впервые ввел в научный оборот понятие «метатекста», представляя его как «некий синтетический сверхтекст». Следует отметить, что границы текста Петербурга, как и вообще любого текста, проницаемы, что определяется теорией интертекстуальности.

По утверждению Ю.М. Лотмана, «город как сложный семиотический механизм, генератор культуры <…> представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням». Вместе с тем, по его мнению, непременным условием работы семиотической системы является наличие истории: «город – механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сополагаться с настоящим как бы синхронно» [4].

Концепция городского текста Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова получила свое дальнейшее развитие в трудах В.А. Доманского и Н.Е. Меднис. В.А. Доманский выделил структурообразующие элементы городского текста (мифология города, география и геодезия города, архитектурный облик и топонимика города, этнология и духовно-культурная сфера)[5]. Н.Е. Меднис рассматривает

---

[3] Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст» русской литературы (Введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифоэпического. М., 1995. С. 259.

[4]Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 213.

[5] Доманский В.А. Городской текст и его структурные уровни // Доманский В.А., Кафанова О.Б., Шарафадина К.И. Литература в синтезе искусств. СПб., 2010. С. 245–253.

городской текст как некий сверхтекст, то есть «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующую незамкнутое единство, отмеченное смыслом и языковой цельностью»[6].

Данная методология исследования феномена города оказалась очень плодотворной и нашла свое отражение в ряде работ отечественного литературоведения, посвященных изучению петербургского (Ю.Я. Барабаш, Е.А. Гаврищук, В.А. Доманский, А.С. Янушкевич), московского (Т.М. Николаева, Л.Ф. Кацис, Б.А. Успенский), провинциального (В.В. Абашев, А.И. Давыдов, А.П. Люсый, Н.В. Осипова, И.А. Разумова), лондонского (Л.В. Воробьева, Л.С. Прохорова), римского (Т.Л. Владимирова), венецианского (Н.Е. Меднис), флорентийского (М.П. Гребнева) текстов русской литературы.

Городской текст всегда предполагает наличие системы, в которой иерархически соотносятся различные уровни. Но в художественных, публицистических, критических текстах, посвященных городу (в нашем случае Парижу) эта система не всегда присутствует. Тогда и возникает необходимость говорить об образе (образах) Парижа, репрезентирующем тот или иной отдельный аспект. В то же время взятые в своей совокупности, образы Парижа, присутствующие в текстах разных авторов, могут составить систему, то есть превратиться в городской текст.

Разные образы Парижа складывались в России под воздействием меняющихся исторических событий, определяющих специфику русско-французских взаимоотношений (Великая французская революция, Отечественная война 1812 г., революции во Франции 1830 и 1848 гг. и начало Крымской войны). Одновременно на протяжении выбранного нами периода (конец XVIII – первая половина XIX вв.) происходила смена литературно-эстетических парадигм (классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм), что отразилось на своеобразии «русского» парижского текста в целом. С другой стороны, «французский» парижский текст, создаваемый представителями разных эстетических направлений, также усваивался русской культурой, привнося в него новые прочтения. В результате образы Парижа, сосуществующие в русской культуре с конца XVIII до середины XIX вв., включаются в поле культурного диалога, по-

[6] Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003. С. 53.

скольку складываются из восприятия столицы Франции со стороны (из России) и изнутри (в произведениях французских литераторов).

Понятие диалога культур, заявленное в названии и структуре диссертации, впервые ввел М.М. Бахтин, который считал, что слово «входит в диалогическую ткань человеческой жизни, мировой симпозиум»[9]. Любое социокультурное явление в контексте размышлений М.М. Бахтина может рассматриваться как диалог образов культуры и ее моделей, как равноправное общение разных художественных миров и сознаний, воплощенных в текстах. В связи с этим парижский текст русской культуры исследуется в диссертационном сочинении как диалог русского и французского парижского текстов (образуемых произведениями наиболее репрезентативных авторов).

В связи с вышесказанным **актуальность** данного исследования обусловлена, с одной стороны, возрастающим интересом, который наблюдается в отечественном литературоведении к теории городских и локальных текстов. С другой стороны, актуальность подтверждается вниманием современной науки к межкультурным коммуникациям и попыткам найти решения современных вопросов на примере культурного освоения прошлых эпох.

Цель диссертационного сочинения заключается в комплексном анализе основных текстов о Париже в русской литературе конца XVIII – середины XIX вв. и наиболее ярких образов Парижа, созданных французскими авторами первой половины XIX вв., которые входили в отечественную культуру и усваивались ею.

Указанная цель обусловила постановку и решение следующих **задач**:

1) проследить этапы формирования парижского текста в русской литературе конца XVIII – середины XIX в. (В.И. Лукин, Д.И. Фонвизин, Н.М. Карамзин, В.Л. Пушкин, А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, А.И. Герцен);

2) выявить темы, мотивы, знаки парижского текста в творчестве русских писателей (В.И. Лукин, Д.И. Фонвизин, Н.М. Карамзин, В.Л. Пушкин, А.С. Пушкин);

3) определить своеобразие осмысления образов Парижа в русской публицистике и путевых письмах русских путешественников 1830–1840-х гг.

[9] Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 318.

(Ф.Н. Глинка, И.Г. Головин, М.П. Погодин, Н.И. Греч, В.М. Строев, С.П. Победоносцев);

4) обозначить основные тенденции изображения Парижа во французской литературе первой половины XIX в. (у Гюго, Жорж Санд, Стендаля, Бальзака);

5) охарактеризовать особенности функционирования парижского текста в творчестве А.И. Герцена и И.С. Тургенева;

6) проследить динамику развития образов Парижа в русской культуре с конца XVIII до середины XIX в. в контексте русско-французского диалога.

Цели и задачи определили корпус **материалов**, положенных в основу исследования:

а) тексты о Париже ведущих русских писателей, которые являются точками опоры, так называемыми доминантами, и определяют динамику развития парижского текста в указанный период (В.И. Лукин, Д.И. Фонвизин, Н.М. Карамзин, В.Л. Пушкин, А.С. Пушкин, А.И. Герцен, И.С. Тургенев);

б) материалы специальных рубрик о Париже в русских журналах («Сын отечества», «Библиотека для чтения», «Москвитянин», «Отечественные записки», «Современник», «Русский вестник»);

в) путевые письма и заметки русских путешественников 1830-х–1840-х гг. (Ф.Н. Глинка, И.Г. Головин, М.П. Погодин, Н.И. Греч, В.М. Строев, С.П. Победоносцев);

г) произведения П. Жюльвекура, являющиеся отражением культурной диффузии в русско-французском диалоге;

д) произведения французских писателей XIX в. (Гюго, Жорж Санд, Стендаля, Бальзака), которые представляются наиболее репрезентативными с точки зрения выстраивания романтических и реалистических образов Парижа.

Объектом диссертационного исследования являются наиболее характерные произведения русской и французской литературы с точки зрения формирования русской литературной рефлексии Парижа в период с конца XVIII до середины XIX вв.

Предметом диссертации являются структурные и художественные особенности парижского текста в русской и французской литературах конца XVIII – середины XIX в. Образы Парижа исследуются в трех различных дискурсах (художественная литература, публицистика, травелоги), которые являются

взаимодополняющими. Травелоги отражают столкновение непосредственных впечатлений авторов с существующими стереотипами; публицистика формирует стереотипы, распространяет и укореняет их; высокая литература, в свою очередь, способна генерировать новые смыслы образности.

Теоретической и методологической базой диссертационного сочинения явились исследования по теории и анализу городского текста (В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман, В.А. Доманский, Н.Е. Меднис). Вместе с тем специфика комплексного изучения образов Парижа предопределила обращение к трудам по изучению диалога культур (М.П. Алексеев, М.М. Бахтин, М. Бубер, Е.П. Гречаная, М.С. Каган, Б.В. Томашевский, О. Шпенглер), а также работам ученых-компаративистов, связанным с изучением рецептивной эстетики (Р. Барт, В.М. Жирмунский, Ю.Д. Левин, Ю.В. Манн).

Междисциплинарный подход к изучению заявленной проблемы определяет методологию исследования, в основу которой положены историко-литературный, типологический, системно-структурный, культурологический, сравнительно-сопоставительный, описательный методы.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые:

– предпринята попытка целостного анализа парижского текста в русской литературе конца XVIII – середины XIX в. (В.И. Лукин, Д.И. Фонвизин, Н.М. Карамзин, В.Л. Пушкин, А.С. Пушкин, А.И. Герцен, отчасти И.С. Тургенев);

– раскрыты основные доминантные черты в русской литературной рефлексии Парижа;

– тексты о Париже во французской литературе рассмотрены с точки зрения включенности в поле русско-французского диалога;

– для детального исследования восприятия Парижа в русской культуре осмыслены ранее не изученные с этой точки зрения публицистические статьи и путевые письма русских путешественников 1830–1840-х гг. (травелоги);

– проанализированы не переведенные на русский язык произведения французского писателя П. Жюльвекура, представляющие факт сложного русско-французского диалога.

Теоретическая значимость диссертационного сочинения связана с комплексным подходом к изучению образа города, а также исследованием парижского текста в контексте русско-французского диалога культур

Практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что ее результаты могут найти применение в разработке курсов по истории русской и зарубежной литературы XVIII–XIX вв., а также спецкурсов по русско-французским литературным связям и теории городского текста.

Апробация результатов: основные положения работы были изложены в виде докладов на Всероссийских конференциях молодых ученых: «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (ТГУ, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011); «Наука и образование» (ТГПУ, 2006, 2007, 2008, 2009), на круглом столе «Развитие русского национального мирообраза в пространстве межкультурного диалога» (ТГПУ, 2010).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Постоянное колебание русского общества между преклонением перед всем французским и развенчанием французского мифа способствовало возникновению сложного полилога о Париже и парижской жизни в русской культуре.

2. На разных этапах формирования и бытования парижского текста в русской литературе происходит трансформация или коррекция уже известного изображения французской столицы.

3. В русской литературе конца XVIII – начала XIX вв. (произведения В.И. Лукина, Д.И. Фонвизина, Н.М. Карамзина, В.Л. Пушкина, А.С. Пушкина) Париж предстает в различных, порой противоположных ипостасях: как параллель Петербургу и Москве, источник развращения дворянской молодежи, пространство, характеризующее особый тип героя (как правило, щеголя, презирающего свое отечество), и одновременно – как образец европейской моды и вкуса, центр великой культуры и образования.

4. В русской публицистике и травелогах 1830–1840-х гг. Париж изображается прежде всего через его общественную жизнь. В связи с разделением русского общества на славянофилов и западников описания французской столицы становятся способом выражения идейно-политических позиций.

5. Во французской литературе XIX в. образ Парижа предстает в различных прочтениях: как город-театр, город мистический, город символических знаков, город социальных контрастов, город-лабиринт, как исторический палимпсест. Динамика образов французской столицы обусловлена как различием литературных направлений, так и непосредственно авторским видением французской столицы.

6. В творчестве А.И. Герцена и И.С. Тургенева актуализируется проблема национальной самобытности, национального характера и культуры. Так, Герцен, критикуя буржуазную действительность Франции, не верит в перспективы ее исторического прогресса и выражает уверенность, что Россия в состоянии выработать свою собственную форму социального устройства. Тургенев в своих ранних произведениях демонстрирует так называемый «псевдо-Париж», подчеркивая, что внешнее копирование парижской жизни не может оказать положительного влияния на русскую жизнь.

Структура диссертационного исследования обусловлена поставленными целями и задачами. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, насчитывающего 320 наименований. Текст занимает 222 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована тема диссертации, ее актуальность, научная новизна, изложена история изучения вопроса, определены цели, задачи, материал и методологическая база исследования, теоретическая и практическая значимость, аргументирована структура работы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Статус Парижа в русской культуре XVIII – начала XIX вв.»** рассматриваются особенности русской рецепции образа Парижа в этот период. Глава состоит из двух разделов.

Первый раздел ***«Париж – законодатель вкуса и моды в придворном, бытовом поведении, языке знати»*** посвящен определению культурного контекста русско-французских отношений рубежа веков. Париж и Франция спровоцировали изменения во многих сферах русской жизни того времени: в философских идеях, образовании и языке, в светской жизни и моде, литературе, манерах и этикете. В разделе последовательно анализируется процесс постижения русскими людьми парижской культуры, который можно условно разделить на несколько этапов. В XVIII в. система жизни русской аристократии подчинена законам парижского общества. Период с конца XVIII в. до начала XIX в. ознаменован процессом переработки французских достижений в соответствии с рус-

скими культурными традициями. Первое десятилетие XIX в. характеризуется несовпадением культурной и политической составляющих в отношении к французам. Появление антифранцузских настроений в России связано с событиями Отечественной войны 1812 г. Разнородные влияния, определенные в современной науке как «культурная диффузия», способствовали возникновению сложного полилога о Париже в русской литературе конца XVIII – начала XIX вв.

Во втором разделе ***«Полилог о Париже в русской литературе конца XVIII – начала XIX вв.»*** рассматривается формирование парижского текста в русской литературе рубежа веков. Каждый из четырех подразделов *(«Знаки Парижа в переводных комедиях В.И. Лукина», «Полемический дискурс Н.М. Карамзина и Д.И. Фонвизина о Париже», «Русский "парижанин" Василий Львович Пушкин», «Парижские реминисценции в творчестве А.С. Пушкина»)* посвящен определению доминантных составляющих в образе Парижа отдельных писателей, а также оценке динамики восприятия столицы Франции в указанный период.

В комедиях В.И. Лукина образ Парижа предстает как система знаков. Делая установку на сближение «своего» и «чужого», он переносит место действия своих комедий в Петербург, который образует параллель с Парижем. Этот прием обусловлен сходством двух столиц по духу, культуре и создаваемому ими впечатлению. В комедиях Лукина отсылки к французской столице появляются, в первую очередь, в поведении героев, манере их общения и речи. Наиболее показательной в этом плане является фигура Верхоглядова в комедии «Щепетильник» (1765). Если для действующих лиц комедий Париж является образцом для подражания, центром моды и вкуса, то для автора этот статус французской столицы сопряжен с такими понятиями, как щегольство, мотовство и распутство.

Критическая оценка явлений французомании в России находит свое развитие в творчестве Д.И. Фонвизина. В «Письмах из Франции» (1777–1778) писатель, осуждая галломанию в России, стремится доказать необоснованность представлений о Париже как о «земном рае» и дискредитирует его во всех областях жизни (французская философия и культура, социальная жизнь, система воспитания, нравы парижан). Однако Фонвизин не оригинален в своей критической рефлексии, он использует в своих письмах фрагменты из книги Ш. Дюкло «Размышления о нравах нашего времени» («Considérations sur les moeurs

de ce siècle», 1749), дающей резко негативную характеристику французского дворянского общества середины XVIII в., обращается к гневным высказываниям Руссо в письмах Сен-Пре из Парижа («La Nouvelle Héloïse»), а также к материалам современной ему парижской прессы.

«Письма из Франции» Фонвизина рассматриваются в сопоставительном анализе с «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина. Эти произведения представляют собой два полюса изображения Парижа, которые сохранились при обращении к описанию французской столицы деятелей русской культуры последующих эпох

Парижский текст Карамзина более многогранен и сложен. Именно в «Письмах русского путешественника» выстраивается целостный образ французской столицы с учетом всех структурных элементов городского текста (мифология города, география и геодезия города, топонимика, архитектурный облик, этнология, духовно-культурная сфера). В способах репрезентации этих составляющих парижского текста отразилось своеобразие сентименталистской мироконцепции Карамзина[7]. Его образы Парижа наполнены историей, литературными и культурными аллюзиями, воспоминаниями и непосредственными впечатлениями путешественника, во взгляде которого нет преклонения перед всем французским и парижским, а есть восхищение достижениями науки, искусства и архитектуры, которое соединяется с любовью к родине.

В.Л. Пушкин в описаниях Парижа в качестве ориентира избирает образ французской столицы, созданный Карамзиным. Представленный им парижский текст уступает карамзинскому по полноте и многогранности. Однако В. Пушкину удалось ввести в парижский метатекст русской культуры ряд новых элементов, отражающих реалии начинающегося века: персоносферу (Наполеон, Жозефина, Жанлис, Рекамье, Дюсис, Делиль, Жоффруа, Тальма**),** а также описание церковных проповедей, вошедших в моду в это время. В процессе знакомства с парижской реальностью В.Л. Пушкин руководствуется убеждением, что «свое» может быть осознано как таковое только на фоне «чужого», и наоборот, «чужое» может по-новому восприниматься через призму «своей» культуры. В.Л. Пушкин положил начало новому этапу русско-французских отноше-

[7] Кафанова О.Б. «Парижский текст» Н.М. Карамзина («Письма русского путешественника») // Доманский В.А., Кафанова О.Б., Шарафадина К.И. Литература в синтезе искусств. СПб., 2010. С. 263–272.

ний, который характеризуется наметившимся интересом Франции к русской культуре (об этом свидетельствуют его переводы русских песен).

В отличие от В.Л. Пушкина, его знаменитый племянник никогда не был за границей, но, тем не менее, был хорошо знаком с французской жизнью благодаря газетам и журналам, а также рассказам приезжавших из Франции соотечественников. Отношение А.С. Пушкина к французской литературе многообразно: от пассивного восприятия до творческого претворения в собственных произведениях. Образ Парижа XVIII – начала XIX вв. последовательно воссоздается в его романах и повестях 1825–1835 гг. В романе «Арап Петра Великого» (1827) Пушкин через образ Парижа раскрывает противоречивое сочетание в русской жизни национальной ментальности и французских веяний, подчеркивая лишь внешнее воздействие последних. Париж первой половины XVIII в. показан им в двух плоскостях: изображение самой французской столицы времен Филиппа Орлеанского, когда после долгого царствования Людовика XIV французское общество утратило свои идеалы и погрузилось в разврат и беспринципность; и описание явлений парижской жизни уже в России Петровского времени как ситуации вытеснения «своего» «чужим».

В «Пиковой даме» (1833) лаконично, но исторически достоверно (через персоносферу, архитектурные доминанты и парижские нравы) представлен Париж конца XVIII в. Образ французской столицы предстает в повести диалектичным, так как Пушкин обращает внимание читателя и на оборотную сторону столичной жизни: развращенность нравов парижского высшего света, вызывавшую недовольство трудового народа, которое и стало одной из главных причин Великой французской революции.

В романе «Рославлев» (1831) воспроизводится сложный период в восприятии Парижа и Франции русскими, когда, с одной стороны, французская культура уже прочно вошла в русскую жизнь, а использование французского языка стало повсеместным, но, с другой, французы и все с ними связанное стало ассоциироваться с образом врага.

Огромное количество реминисценций, так или иначе связанных с Парижем, возникает в «Евгении Онегине». В романе французская столица не показана топографически, а изображается сквозь призму интеллектуальной и эмоциональной жизни русского общества (парижская мода, воспитание, чтение

французских романов, кулинарные пристрастия, образец светского поведения). Эта образность не имеет отношения к парижским реалиям 1820–1830-х гг., а скорее актуализирует уже привычные для пушкинской поры представления о французской столице. В то же время в «Евгении Онегине» Пушкин подводит промежуточный итог русско-французскому диалогу, начавшемуся с эпохи Петра I. Он показывает, как русская культура, пройдя через различные периоды восприятия парижской жизни (сложное переплетение «своего» и «чужого», отрицание национальной культуры, а с 1812 г. стремление ее возродить), приходит к новому этапу взаимоотношений с Францией и всем французским.

В центре **второй главы** «**Вариации образа Парижа в русских травелогах и журнальной публицистике 1830–1840-х гг.**» — изучение парижского текста, складывающегося в русском массовом сознании этого периода и представленного специальными журнальными рубриками и травелогами. Глава состоит из трех разделов.

Первый раздел «***Парижский текст в заметках и путевых письмах русских путешественников 1830-х – 1840-х гг. (Ф.Н. Глинка, И.Г. Головин, М.П. Погодин, Н.И. Греч, В.М. Строев, С.П. Победоносцев)»*** посвящен образу Парижа в русских путевых заметках, где столица Франции оценивается прежде всего с точки зрения ее общественной жизни. В травелогах рассматриваемого периода значительно пополняется ряд оппозиций, характеризующих Париж (Париж вчера – Париж сегодня, Париж праздничный – Париж повседневный, Париж – провинция и т.д.). Они подчеркивают перманентную амбивалентность города, а также демонстрируют столкновение непосредственных впечатлений путешественников со стереотипными представлениями о французской столице.

В качестве своеобразного ориентира для анализа образа Парижа в травелогах конца 1830-х гг. были избраны «Письма русского офицера» Ф. Глинки, написанные после Отечественной войны 1812 г. Для этого периода характерно критическое отношение к Франции и Парижу и развитие патриотических чувств. Путешественники конца 1830-х гг., преимущественно близкие славянофилам, вслед за Глинкой дискредитируют статус Парижа как мировой столицы мира.

Вместе с тем желание авторов травелогов дать наиболее объективное, полное и разностороннее представление о городе способствовало формированию

достаточно целостного парижского текста. В качестве еще одного его среза предстает особый «парижский» менталитет, которому в путевых заметках уделяется повышенное внимание. Так, доминантой во всех путешествиях становится констатация перемены в парижских нравах в связи с Июльской революцией. Среди основных черт парижского характера отмечаются корыстолюбие, разврат, необразованность и черствость народа, который привык к кровавым зрелищам (Глинка, Головин, Погодин, Греч, Строев). Чем дальше городской уклад французской столицы отходит от нравственных законов, тем чаще путешественники сравнивают ее с Вавилоном, городом-блудницей. «Новым Вавилоном» Париж называют Глинка. Греч, Погодин. Мятежный дух парижан отразился и на стиле их жизни, для которого характерна театрализация, также часто отмечаемая авторами травелогов (Глинка, Головин, Греч, Строев).

Чтобы подчеркнуть повсеместное негативное влияние революций, путешественники конца 1830-х гг. обращаются и к таким аспектам городского текста, как геодезия и климат (контраст природных пейзажей и мрачного, грязного города), мифология города (исторические предпосылки мятежной сущности характера парижан) и материально-культурная сфера города (констатация изменений в облике города, реализующаяся в оппозиции «Париж старинный – Париж современный»).

Путешественники, близкие по своей идейной позиции славянофилам, развивая патриотическую точку зрения на Париж Глинки, отмечают негативные последствия революций для общества в целом и делают вывод, что мятежный Париж не может быть эталоном для дальнейшего развития России.

В путевых письмах западников представлено более объективное восприятие как положительных, так и отрицательных сторон французской столицы. В качестве примера в диссертации рассмотрены «Путевые записки русского по Европе в 1847 году» С.П. Победоносцева. В этой небольшой заметке затронуты различные аспекты Парижа: материально-культурная сфера, климатические и географические условия, социальная и общественная жизнь, нравы и характер парижан и парижанок. Испытывая неприязнь и даже некоторый страх по отношению к этому огромному городу в начале своего путешествия, Победоносцев постепенно находит в нем массу положительных моментов: великолепная архитектура, парижские улицы, бульвары, театры, культура развлечений, изящный вкус, чувство собственного достоинства и гордости у парижан.

Таким образом, описания парижских впечатлений подтверждают мысль о том, что образу Парижа присущи такие характеристики, как динамичность и противоречивость: мнения о нем меняются в зависимости от социально-исторического контекста и идейных позиций авторов.

Во втором разделе второй главы (***«Разделы и рубрики, посвященные Парижу и парижской жизни в русских периодических изданиях»)*** проанализированы статьи о французской столице, помещенные в русских журналах разных идейно-эстетических направлений. С этой целью рассмотрены материалы таких наиболее важных изданий 1830–1860-х гг., как «Москвитянин», «Сын отечества», «Библиотека для чтения», «Русский вестник», «Отечественные записки» и «Современник». В русской публицистике этого времени образ Парижа выстраивается в зависимости от социально-исторического контекста. В 1830-х гг. в публикациях преобладает негативная оценка парижской действительности, что было спровоцировано и Июльской революцией 1830 г., и влиянием на большинство русских общественных деятелей немецкой идеалистической философии (шеллингианство, гегельянство). Так, в «Библиотеке для чтения» О.И. Сенковского вся информация о Париже преподносится с некоторым пренебрежением и даже сарказмом. Это касается даже таких регулярных рубрик, как «Французский театр в Париже», «Литературные новости во Франции» и «Моды».

В 1840-е гг. обозначается явное противопоставление западников и славянофилов, что обусловило и появление двух противоположных точек зрения на Париж и Францию. Так, в «Москвитянине» прослеживается явное неприятие Парижа и всего французского. В прозападнических журналах «Отечественные записки» и «Современник» представлено обстоятельное описание парижской жизни в самых разнообразных ее проявлениях: от общественно-политических новостей до характеристики нравов и бытового уклада парижан.

В конце 1840-х гг. под влиянием революции 1848 г. и цензурных запретов происходит вынужденная модификация всех известий из Франции. Только после окончания Крымской войны и цензурного «террора» информация о Париже в большом количестве начинает появляться на страницах русских журналов. Особый интерес у читателей вызывала картина новой французской столицы времен Наполеона III, что способствовало росту популярности описаний отече-

ственных парижских впечатлений. Так, в «Русском вестнике» за 1858 г. появляются «Письма из Парижа» Я. Фельдена, «Письмо из Парижа» Е. Феоктистова, «Воспоминание о П.Н. Кудрявцеве (Письмо из Парижа)» М. Капустина, «Письмо из Парижа» И.Н. Березина, «Парижские письма» Е. Тур и др.

Различные материалы и свидетельства о восприятии французской столицы в русском обществе в течение нескольких десятилетий позволяют говорить о том, что образ Парижа, распавшийся в 1820-е гг., постепенно вновь воссоздается, обретая новые грани и черты.

В особом (третьем) разделе главы ***«Поль Жюльвекур: элементы парижской жизни в России»*** анализируются произведения французского эмигранта Поля Жюльвекура (Paul de Julvécourt, 1807–1845), жившего в России с 1833 по 1842 гг. В романе «Nastasie, ou le faubourg Saint-Germain moscovite» («Настасья, или московское предместье Сен-Жермен», 1842) писатель исследует жизнь Москвы и обнаруживает в ней черты французской столицы. Изображая функционирование парижских инвариантных элементов в русском обществе XIX в. (костюмы, манера поведения, внутреннее убранство домов, культура развлечений), Жюльвекур в то же время подчеркивает, что это лишь карикатура на французский жизненный уклад, в основе которой лежит исключительно внешнее копирование. В романе «Les Russes à Paris» («Русские в Париже», 1843) писатель дает разные вариации представлений о французской столице у русских людей. Для одних Париж – это «земной рай», пространство свободы, царство моды и удовольствий, другие же, отстаивая национальную самобытность России, дискредитируют столицу Франции во всех сферах жизни. Вместе с тем на принцип изображения Парижа повлияли и монархические взгляды Жюльвекура. По его мнению, июльская революция коренным образом трансформировала французскую столицу: наступил век денег и эгоизма, который изменил ментальность парижан.

Образ Парижа в русской культуре первой половины XIX в. складывался и благодаря французскому «парижскому тексту». Третья глава диссертационного сочинения **«Образы Парижа во французской литературе первой половины XIX в.»** раскрывает особенности изображения столицы Франции в произведениях Гюго, Жорж Санд, Стендаля и Бальзака. В двух разделах главы ***«Смена культурных парадигм: от условности (классицизм) к “свободе” (роман-***

тизм)» и ***«Реалистический дискурс парижского текста»*** анализируются наиболее репрезентативные, с нашей точки зрения, произведения, которые объединяют и углубляют мотивы изображения Парижа, заданные французскими писателями XVII–XVIII вв. (Мерсье, Руссо, Вольтером и др.) и вместе с тем дают возможность проанализировать влияние художественного метода и направления на восприятие города.

В «Соборе Парижской Богоматери» («Notre-Dame de Paris», 1831) Гюго, воссоздавая архитектуру и пейзажи средневекового Парижа, смотрит на город в первую очередь как на смену диахронических проекций. Его изображение французской столицы обогатило образ Парижа прежде всего историческими и мифологическими деталями, никогда до него не имевшими подобной глубины и достоверности. В «Отверженных» («Les Misérables», 1862) предстает Париж 1830-х гг., овеянный революционным духом. В центре внимания писателя образ французской столицы неимущих и обездоленных. Гюго создает своеобразный маршрут по Парижу, олицетворяющий движение души человека от тьмы к свету, свободе. В русле романтической традиции в «Отверженных» развертывается символическое прочтение парижского текста (мрачная символика революционного Парижа как инфернального города, многослойная символика парижских садов, имеющая в основе литературную, библейскую, мифологическую почву).

В ранних романах Жорж Санд («Indiana», «Valentine», 1832) Париж показан преимущественно через образы антигероев, представителей парижского общества, которым свойственны страсть к деньгам, тщеславие, отсутствие моральных принципов и зависимость от мнений светского общества. В романе «Орас» («Horace», 1841) образ французской столицы обретает новые грани: это Париж театрализованный, Париж как источник духовного развития личности, Париж как пространство разочарования. Жорж Санд еще до Стендаля и Бальзака показывает тлетворное влияние парижского света на человека и представляет Париж как город социальных контрастов. Вместе с тем в ее романах демонстрируется формирование стойких характеров в противоборстве с природными и общественными диссонансами столицы.

Стендаль в своих романах «Арманс» («Armance», 1827) и «Красное и черное» («Le Rouge et le Noir», 1830) показывает внешний, «блестящий Париж», создавая образ театрализованного города, где все искусственно и фальшиво.

Его не интересуют такие элементы структуры городского текста, как географические и климатические особенности или архитектурный облик столицы. Главная цель писателя – правдивое изображение современности, и не столько общественных или политических событий, сколько психологии и душевного состояния современных парижан. Стендаль не акцентирует внимание на противоречивой природе Парижа, для которого характерно смешение бедности и богатства. Одной из его главных тем является превращение провинциала в парижанина. В этой связи образ Парижа раскрывается и через оппозицию «столица-провинция». Вместе с тем в рамках изображения французской столицы Стендаля интересует проблема национальной идентичности. В своих новеллах и романах он изображает французский национальный характер, применяя прием противопоставления различных национальных типов (француз-немец, француз-итальянец, француз-испанец, француз-русский).

Бальзаку удалось в своих романах, среди которых в первую очередь можно назвать «Шагреневую кожу» («La peau de chagrin», 1831), «Отец Горио» («Le père Goriot», 1834–1835), «Утраченные иллюзии» («Illusions perdues», 1837–1843), дать синтез всех элементов городского текста, показать целостную картину современного ему Парижа. Вместе с тем он соединяет, вбирает то, что было свойственно парижскому тексту Гюго, Жорж Санд, Стендаля (изображение столицы в ее разнообразных прочтениях: город-театр, город мистический, город знаков, город-лабиринт, город как исторический палимпсест и т.д.); но вместе с тем он углубляет изображение каждого из аспектов, прибегая к типизации. Новаторством Бальзака было усиление социальных контрастов, которые подаены им не только в символическом плане, а в детализированном описании «блеска» и «нищеты». Для писателя большую роль играет именно трезвый взгляд на современное общество, поэтому он не пытается скрыть его недостатки, а напротив, необычайно подробно для своего времени описывает оборотную сторону французской столицы, физиологию и «дно» парижской жизни.

Таким образом, произведения французских писателей представляют русскому реципиенту так называемый внутренний взгляд на социальные, исторические, мифологические особенности и противоречия французской столицы.

Четвертая глава **«Париж в русской классической литературе середины XIX в. (А.И. Герцен, И.С. Тургенев)»** посвящена реконструкции образов Па-

рижа в творчестве А.И. Герцена и частично И.С. Тургенева. Глава состоит из двух разделов.

В первом разделе (***«Революционный Париж в мемуарах А.И. Герцена “Былое и думы”: творческий диалог с Жорж Санд и В. Гюго»)*** рассматривается образ Парижа в восприятии А.И. Герцена. Его мемуары «Былое и думы» содержат не столько описание парижских пейзажей или достопримечательностей, сколько размышления об исторических судьбах и перспективах Франции. В творчестве Герцена возникает антитеза Париж «прежний» – Париж «современный». Так, в современной французской столице его возмущает засилье буржуазии. Писателя поражает ее равнодушие к судьбам страны, узость ее духовных интересов, страсть к наживе. В этом вопросе он вступает в своеобразный заочный творческий диалог с Жорж Санд. Ему оказывается близка идея романистки о формировании мещанского сознания в современных молодых честолюбцах, приезжающих в Париж делать карьеру. Если рассматривать этот диалог в исследовательском пространстве реконструкции текста культуры, то Герцен развивал многие идеи Жорж Санд и с некоторой временной «отсрочкой» отвечал на поставленные ею проблемы.

На восприятие Герценом французской столицы оказал влияние и В. Гюго, с которым он был знаком лично. Несмотря на союзничество и дружбу, писатели расходились во взглядах на будущее и прошлое французской столицы. Герцен высказывался против апофеоза парижской культуры и выражал сомнение в жизненных силах умирающей Франции. Гюго, со своей стороны, упрекал Герцена за недооценку французского народа 1830-х гг., лучших представителей которого он изобразил в романе «Отверженные».

Во втором разделе (***«Париж в художественном творчестве И.С. Тургенева»)*** изучается парижский текст в ранних произведениях («Записки охотника», «Дворянское гнездо», «Рудин», «Отцы и дети») И.С. Тургенева, когда Париж воспринимался им как «чужое». Писатель показывает французскую столицу преимущественно через восприятие своих отрицательных или незначительных героев, которые лишь внешне копируют парижскую жизнь (использование французских слов и выражений, подражание парижским манерам, поверхностное знание французской культуры и истории). Это своего рода «псевдо-Париж», его бутафорская копия. Ярким примером в этом плане является Дарья

Михайловна Ласунская из романа «Рудин», которая пытается стать типичной парижской львицей, прослыть «русской мадам Рекамье». В этом же ключе Париж предстает через призму образов Варвары Павловны из «Дворянского гнезда», русских помещиков в «Записках охотника», Павла Петровича Кирсанова в «Отцах и детях». Тургенев подчеркивает, что постоянное соприкосновение с парижской жизнью и поверхностное восприятие ее культурных основ лишают русского человека родных корней и не дают раскрыться национальному характеру.

Таким образом, в произведениях А.И. Герцена и И.С. Тургенева реализуется русско-французский диалогический дискурс о Париже. Вместе с тем через призму образа французской столицы в их творчестве актуализируется проблема национальной самобытности и национального характера.

В **Заключении** подводятся итоги исследования и намечаются его перспективы.

Ближайшей перспективой исследования является изучение образов Парижа в творчестве крупнейших представителей русской литературы – И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и др. Отдельного исследования заслуживает парижский текст И.С. Тургенева, материалом для которого могут послужить не только художественные произведения писателя, но и его обширнейшая переписка, а также мемуарная литература. Вместе с тем предметом отдельных исследований могут стать произведения французских авторов, вносящих свою огромную и своеобразную лепту в формирование парижского метатекста русской культуры (Э. Сю, Г. Флобер, Г. де Мопассан, Э. Золя, Т. Готье, Ш. Бодлер, Э де Гонкур, А Франс и многие другие).

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. **Рудикова Н.А. Русский «парижанин» Василий Львович Пушкин / Н.А. Рудикова // Вестник Том. гос. пед. ун-та. – 2010. – № 8 (98).– С. 28–33.**
2. **Рудикова Н.А. Знаки Парижа в переводных комедиях В.Л. Лукина / Н.А. Рудикова // Вестник Том. гос. ун-та. – 2011.– № 350. – С. 32–36.**
3. Рудикова Н.А. «Париж изменчивый и вечный…»: динамика образа Парижа во французской литературе XIX в. / Н.А. Рудикова // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы конференции молодых уче-

ных : в 2 т. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2011. – Вып. 12. – Т. 2. – С. 201–203.

4. Рудикова Н.А. Парижский метатекст в русской литературе XVIII века / Н.А. Рудикова // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы конференции молодых ученых : в 2 т. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – Вып. 11. – Т. 2. – С. 127–131.

5. Рудикова Н.А. Парижские мотивы в творчестве А.С. Пушкина / Н.А. Рудикова // Наука и образование : материалы XIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых : в 6 т. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. – Т. II, ч. 1. – С. 205–210.

6. Рудикова Н.А. Полемический дискурс Н.М. Карамзина и Д.И. Фонвизина о Париже / Н.А. Рудикова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы IX Всероссийской конференции молодых ученых : в 2 т. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – Т. 2.– С. 174–179.

7. Рудикова Н.А. Романтическая интерпретация образа Парижа в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» / Н.А. Рудикова // Наука и образование : материалы XII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых : в 6 т. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. – Т. 2, ч. 1.– С. 153–158.

8. Рудикова Н.А. Париж в изображении Бальзака и Жорж Санд: конструктивный или полемический диалог? / Н.А. Рудикова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых : в 2 ч. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 156–159.

9. Рудикова Н.А. Эволюция образа Парижа в романах Жорж Санд / Н.А. Рудикова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых : в 2 ч. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. – Ч. 1. – С. 169–172.

10. Рудикова Н.А. Париж глазами провинциала (на материале романа Жорж Санд «Индиана») / Н.А. Рудикова // Наука и образование : материалы XI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых : в 6 т. – Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. – Т. 2, ч. 1. – С. 353–358.

11. Рудикова Н.А. Парижский текст в романе Бальзака «Отец Горио» / Н.А. Рудикова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых : в 2 ч. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – Ч. 2. – С. 135–137.

Тираж 100 экз.
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а